

принять и нести всю жизнь. Признание права, законов общественной жизни также связано с судьбоносностью и требует отказа от произвола. В связи с этим следует заметить, что развод родителей, вообще возможность развода родителей разрушает в ребенке нечто фундаментальное.

Правосознание также предполагает признание авторитета права, уважение к нему. И семья учит ребенка верному восприятию *авторитета*. В лице естественного авторитета отца и матери ребенок встречается с идеей ранга и учится воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь; и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения; и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека [6].

Семья есть духовное единение, так как порождает чувство *взаимной духовной принадлежности*. Последнее является основой здоровой гражданственности и патриотизма.

В здоровой семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий – авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благостною силою и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти и начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе [6]. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

Семья есть первая, естественная школа *свободы*. В ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся суровости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания [6].

Суждением, которое предлагается в качестве вывода представленной работы, является следующим: полнота семьи является воплощением полноты человеческого существа и стимулирует полноту развития правосознания. Иначе говоря, полнота семьи способствует развитию нормального, позитивного, здорового правосознания ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, И.А. Собрание сочинений : в 10 т. / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 236.
2. Там же. – С. 237.
10. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/rr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
3. Аверинцев, С.С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/brak-i-semya-nesvoevremennyy-opyt-xristianskogo-vzglyada-na-veshi/>. – Дата доступа: 01.10.2015.
4. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
5. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Ильин И.А. // Путь к очевидности. – М. : Республика, 1993. – 431 с.

УДК 343.632

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. КАШПОРОВА
(Представлено: Т.И. РЕМНЁВА)

Рассматриваются элементы состава преступления, предусмотренного статьей 189 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Затронуты некоторые проблемы понятийного аппарата. Приводится пример декриминализации оскорбления в Российской Федерации. Делается вывод о необходимости существования уголовной ответственности за оскорбление.

Согласно статье 53 Конституции Республики Беларусь, каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. Однако вероятность услышать оскорбление в ответ даже на правомерные действия в современном мире увеличивается с каждым днем. Хотя, казалось бы, мы живем в цивилизованном обществе, где большинство вопросов можно урегулировать мирным путем не создавая конфликтов.

Одним из правовых институтов защиты чести и достоинства является уголовная ответственность за оскорбление. Состав данного преступления заключается в умышленном унижении чести и достоинства личности, выраженном в неприличной форме, совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие охрану чести и достоинства личности [3].

Одна из проблем при рассмотрении данного состава – понятия чести и достоинства. В комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь дается определение: «Честь — это общественная оценка социальных и духовных качеств конкретного человека, представление людей о его поведении, отношении к другим людям, социальной роли». Достоинство же определяется как: «самооценка человеком своих социальных, моральных качеств, способностей и общественной значимости». Как мы видим, в приведенных терминах большая роль отводится конкретному человеку в определении чести и достоинства. Проблема заключается в том, что для одного человека, сказанное может быть воспринято как оскорбление, задета его честь и достоинство; а для другого (например, для самого обидчика) – нет. С другой стороны, выявление более конкретных дефиниций вряд ли представляется возможным. В связи с тем, что небольшое количество дел по данной категории не позволяет сформулировать устойчивой практики, судьям приходится исходить из «доминирующих норм морали», порой применяя выдержки из орфографического и толкового словарей. Представление об оскорблении у каждого человека может быть разным, и установить, где простая обида, а где действительно затронуто такое важное социальное благо как честь и достоинство личности, порой бывает весьма сложно [3].

Многие авторы вовсе не проводят разграничений между честью и достоинством, отождествляя их в пользу внутренней оценки личности конкретного человека. Однако разграничение данных понятий необходимо для уголовно-правовой характеристики. Например, в случае если потерпевшее лицо не понимает значение действий обидчика, иначе говоря – потерпевший психически нездоровое лицо. Если не проводить разграничение, то получится, что права таких лиц не подлежат правовой защите. Это не допустимо. Поэтому важно различать честь, как оценку других людей качеств конкретного лица; а достоинство, как внутреннюю нравственную категорию, обозначающую самооценку конкретного человека.

Обязательным признаком, без которого оскорбление не может быть уголовно-наказуемым деянием – неприличная форма унижения чести и достоинства личности. Неприличная форма – это отрицательная оценка личности другого лица, данная нелитературным, противоречащим нормам морали языком. Следует помнить, что критическая оценка, высказанная в адрес человека, пусть даже отрицательная, но выраженная в приличной форме не будет являться оскорблением [3].

Следует отметить, что в части 1 статьи 189 Уголовного кодекса предусмотрена административная преюдиция – деяние должно быть совершено в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету.

В доктрине выделяется вид оскорбления, который носит название «заочное». Дело в том, что оскорбление всегда адресуется конкретному лицу, но унижительная оценка личности может быть дана как в его присутствии, так и при нахождении других, когда виновный в неприличной форме характеризует отсутствующее лицо, при этом зная, что об этом сообщат потерпевшему.

Субъективная сторона оскорбления характеризуется прямым умыслом. Вместе с этим некоторые авторы не исключают возможность совершения данного преступления с косвенным умыслом. Так, по мнению А.А. Пионтковского, при совершении преступления «лицо осознает, что оно распространяет ложные и позорящие сведения и желает, чтобы они были распространены или сознательно допускает их распространение» [5].

Субъектом оскорбления является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

По части 2 статьи 189 уголовная ответственность наступает независимо от наличия или отсутствия административной преюдиции, если оскорбление было нанесено в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрируемом произведении, либо в средствах массовой информации [2].

В некоторых случаях сложно разграничить оскорбление от некоторых других преступлений. Например, хулиганские действия, осуществляемые в оскорбительной форме (такие как употребление нецензурных выражений) следует отличать от оскорбления по направленности умысла. Следует провести разграничение и с таким составом как клевета. При клевете сведения о потерпевшем всегда ложные, в оскорблении же сведения могут быть правдивыми, но нарушитель выбрал неправильную (неприличную) форму их подачи. Основное различие этих преступлений состоит в том, что клевета всегда предполагает

отрицательную характеристику потерпевшего со ссылкой на якобы имевшие место факты его аморального, противоправного, порочного поведения [3].

Следует отметить, что национальный законодатель предусмотрел специальные нормы, предусматривающие ответственность за оскорбление, защищающие честь и достоинство таких потерпевших как Президент Республики Беларусь – ст. 368, представителя власти – ст. 369, а также потерпевшего в статусе военнослужащего – ст. 444. Однако данные составы содержатся в других главах Уголовного кодекса, содержащие нормы, направленных на охрану других объектов. В доктрине уголовного права данные действия поясняются, тем, что в указанных выше составах преступления общественные отношения, направленные на охрану чести и достоинства человека, выступают в качестве дополнительного объекта преступления.

Оскорбление возможно совершить при помощи активного действия: пощечина, плевков, вульгарные жесты, передразнивания потерпевшего и т.п. Однако при данных обстоятельствах возникает вопрос, какие действия мы можем считать оскорбительными? На основании каких критериев следует производить разграничение? Тем более, по языку жестов не каждый сможет выявить оскорбление. В разных странах одни жесты могут быть оскорбительными, другие – нет.

В качестве примера оскорбления можно привести инцидент, произошедший в Витебской области, не так давно (из статьи на дату 1 октября 2014 года) было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 189 по факту оскорбления в сети Интернет. Неизвестные скопировали фотографии, находящиеся в социальной сети и преобразовали их при помощи программы Photoshop, после чего уже неприличные фото разместили в интернете в общем доступе [4].

Конечно, можно было бы согласиться с Беккариа, который полагал, что личные обиды и оскорбления чести, то есть той справедливой доли уважения, которую каждый гражданин имеет право требовать от других, должны наказываться бесчестьем, а именно общественным порицанием виновного. Однако времена сейчас таковы, что вряд ли общественное порицание можно расценивать в качестве эффективной [5].

К сожалению, такие случаи, когда человек обращается с заявлением для возбуждения уголовного дела не настолько частые, как должны быть, если оценить действительную ситуацию, особенно то, что зачастую происходит в интернете. Наши граждане нередко пренебрегают возможностью административной и уголовно-правовой защиты. В лучшем случае это закончится обычным игнорированием или примирением сторон, а в худшем – ответными неправомерными действиями. На наш взгляд это является неприемлемым и существует необходимость грамотно разработанной системе примирения сторон в связи с оскорблением, с обязательным возмещением морального вреда гражданина, или по примеру Российской Федерации вообще декриминализировать данный состав? Напомним, что в Российской Федерации норма, содержащая ответственность за оскорбление была перенесена из Уголовного кодекса в Кодекс об административных правонарушениях.

Также примечательно, что в Уголовном кодексе Российской Федерации не предусматривается отдельного состава преступления за оскорбление Президента, в судебной практике применяется статья 319 Уголовного Кодекса Российской Федерации – оскорбление представителя власти. Относительно недавно от данного состава отказалась и Франция, теперь, как и Президент, так и представители власти должны самостоятельно отстаивать свои права в суде.

В большинстве европейских стран за оскорбление предусмотрена уголовная ответственность. Однако не предусматривается такой «двухступенчатости», как в Республике Беларусь. Наше государство, по сути, пошло на компромисс, давая нарушителю шанс исправиться без привлечения его к уголовной ответственности. Если же лицо совершит деяние еще раз, то в рамках административной преюдиции оно привлекается уже к уголовной ответственности. Однако если посмотреть по применяемым санкциям (большинство осужденных приговаривается к штрафу, общественным работам), то смело можно заявить, что можно обойтись и привлечением к административной ответственности.

Уголовная ответственность за оскорбление – способ защиты законных прав, гарантируемых государством. Возможно, когда-нибудь наше общество станет настолько грамотным и морально развитым, что необходимость данного состава просто пропадет. Но, если сейчас сказать человеку, что уголовной ответственности за данный состав больше нет, то для некоторой категории граждан это может быть равнозначно безнаказанности. Поэтому на данном этапе развития, уголовная ответственность все-таки необходима, по крайней мере, для превентивной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г // Эталон 6.0. – Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г., № 245-3. // Эталон 6.0 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2015.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : [с учетом изменений и дополнений по состоянию на 23 февраля 2010 г.] / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : Гос ин-т управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, 2010. – 1063 с.
4. Уголовное дело по факту оскорбления в сети интернет возбуждено в Витебской области [Электронный ресурс] / Новости Беларуси. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/incident?id=681796. – Дата доступа: 14.04.2015
5. Чередниченко, Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : моногр. / Е.Е. Чередниченко. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 144 с.

УДК 343.3/7

«КИБЕРВОЙНА» КАК НОВЫЙ ВИД ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Д.С. МАЛИНИНА

(Представлено: Т.И. ПУГАЧЁВА)

Дается определения терминам «кибервойна», «киберугроза», «кибероружие». Кибернетика как основоположник «кибервойны». Киберугрозы создают хакеры, люди способные взламывать серверы и получать из них информацию незаконным путем. Кибероружия подводят общедоступные утилиты работы с сетевой инфраструктурой и нагрузочного тестирования сетей на основании того, что их используют хакеры.

В последнее время все чаще в средствах массовой информации (далее – СМИ) используются термины «кибероружие», «киберугроза», и «кибервойна». Это происходит в основном из-за того, что журналисты быстро подхватили не самый удачный термин, используя его в отрыве от контекста. В результате кибервойной с равной вероятностью могут называться пропагандистские операции в информационном пространстве Интернета, попытки взлома банковских систем, операции по выведению из строя критической информационной инфраструктуры, а также любые действия, которые прямо или косвенно связаны с Интернетом, компьютерами и т.п. Точно так же размыто и понятие «киберугроза»: под него зачастую бездумно подводятся опасности, такие, как распространение определенных видов информации в сети, вопросы обеспечения безопасности информационных систем, противостояния вредоносному программному обеспечению (далее по тексту – ПО) и многое другое [1 с. 72].

Настоящая научная статья ставит перед собой целью дать определение термину «кибервойна». Но для того, что бы дать определение всем этим терминам, необходимо разобрать основоположника этих терминов «кибернетика».

Термин «кибернетика» появился еще в 1830 г. в философских трудах Андре-Мари Ампер [2], который более известен как один из пионеров электродинамики. Кибернетика определялась Ампером как наука о рациональном управлении государством. В 1948 г. понятие «кибернетика» было использовано Норбертом Винером как наименование науки о закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и в обществе [3]. Объектом исследования кибернетики являются все без исключения управляемые системы, которым присуща обратная связь. Иными словами, кибернетика вовсе не ограничена исследованиями современных информационных систем, алгоритмов и протоколов. Будучи междисциплинарной наукой, она охватывает системы электрических цепей, технологические процессы, логистику, эволюционную биологию, психологию личности, социологию, синергетику и т.п. Особо отметим то, что кибернетика, как наука об управлении, уделяет самое пристальное внимание методам управления государством и обществом. Именно эта область внимания кибернетики и стала причиной ее критики в СССР с последующим объявлением «реакционной лженаукой» в 1950-х гг. Кибернетика, как тогда казалось, претендовала на разработку научно обоснованного аппарата управления государством, стремилась «отбросить современную научную мысль, основанную на материалистической диалектике». Между тем наиболее интересные исследования кибернетиков относились именно к исследованиям государства в целом так и определенные аспекты (общества, политику и как способ административного управления). В области исследований информационных систем на смену «общей» кибернетике был создан специализированный высокоэффективный математический аппарат, опирающийся на хорошо разработанные теории систем, управления, автоматов, алгоритмов и т.п. В практическом решении прикладных задач, связанных с информационными технологиями, как правило, используется именно этот аппарат, а не «общая» кибернетика [1].

Под термином «кибероружие» в настоящее время понимаются самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и